

© 2002 г. И.Г. ДОБРОДОМОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЯЗЫКЕ

Когда-то в 1939 году Л.В. Щерба обратил внимание на своеобразие глагола *кушать*, в ряду *вкушать*, *есть*, *уплетать*, *лопать*, *жрать*: "*Кушать* относится сюда же, но занимает особое место рядом с *есть*. Оно, кстати сказать, является прекрасным примером сложности системы литературного языка: *кушать* неупотребительно ни в первых, ни в третьих лицах, а только в повелительном наклонении, где оно заменяет формы *ешь*, *ешьте*, являющиеся уже фамильярными, и с осторожностью в форме вежливости (2-е лицо мн. числа), где оно легко может получать слащавый оттенок. Форма 3-го лица ед. числа может употребляться лишь как выражение вежливости по отношению к ребенку. Что касается слов *трескать*, *шамать*, то они являются нелитературными, арготическими" [Щерба 1957: 121].

Однако ни сам Л.В. Щерба, ни многочисленные пуристы, запрещающие – в соответствии с его наблюдением – употребление глагола *кушать* в 1-м лице (см., например [Правильность... 1962: 90–91]), не объяснили причин столь странного поведения глагола *кушать*. А причина заключается в историческом прошлом этого глагола, который обозначал когда-то "пробовать", память о чем сохранилась еще у В.И. Даля: "*Кушать* также знач. отведывать" [Даль 1955: 229]. Действительно, активное принятие пищи едва ли может быть названо пробой, но приглашение к приему пищи, приглашение ее попробовать вполне соответствует любому этикету.

Подобного рода семантические компоненты, напоминающие о забытом прошлом значении, всегда находятся в центре внимания этимологов при семантических реконструкциях и более или менее наглядно восстанавливаются с опорой также на материал родственных языков. Применительно к русскому глаголу *кушать* особенно показателен сербскохорватск. *кушати* "отведывать, пробовать, испытывать; выпытывать, выспрашивать; искушать". Значение "пробовать на вкус, отведывать" свойственное праславянскому глаголу **kusiti* (с итеративом-дуративом к нему **kušati*) точно воспроизведено из готского *kausjan*, заимствованием которого оно является. Это же значение обнаруживается у греч. *κῠσῶ* "пробовать, отведывать" и санскрит. *juṣ* – "выбирать" [Трубачев 1987: 135, 138–139].

Подобная языковая память о прошлом не всегда бросается в глаза, но проявляется она не только в лексике, но и в фонетике-фонологии.

Укрепившаяся в нашем языкознании традиция противопоставления по-сосюровски синхронии и диахронии носит ущербный характер: два этих подхода вместо взаимного дополнения оказались оторванными друг от друга, что обусловлено не столько принципиальными соображениями, сколько недостаточной осведомленностью синхронистов в истории языка и сосредоточенностью историков языка на динамике исторических процессов в далеком прошлом с редким доведением их до современности, а также невниманием к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений.

Специалисты по современной русской фонетике и фонологии обычно ограничиваются при характеристике фонемы /e/ указанием на то, что она реализуется в

ударном положении в двух звуках: 1) более закрытом *e* перед мягким согласным: *с'ей* (*сей*) и 2) открытом *e* перед твердым согласным: *с'еф* (*сев*). Это соотношение между вариациями одной фонемы *e* было уже давно отмечено академиками Я.К. Гротом и О.Н. Бётлингком [Грот 1847: 784; Бётлингк 1852: 90]¹.

Такое наблюдение, сделанное более полутора столетий тому назад, касается абсолютно всех случаев употребления гласных *e*, *ê* в русском литературном языке под ударением – независимо от их происхождения. Гласные *e*, *ê* являются позиционными вариациями одной фонемы, чем они радикально отличаются от двух четко противопоставленных разных фонем /*e*/, /*ѣ*/, которые имели место в древнерусском языке и что заключалось в оппозиции тоже открытой фонемы /*e*/ и закрытой фонемы /*ѣ*/. Но нынешнее противопоставление двух позиционных (комбинаторных) вариаций *e*, *ê* современной одной фонемы и старое противопоставление двух древнерусских фонем /*е*/, /*ѣ*/ совершенно никак не совпадают.

Однако внимательный анализ всех употреблений фонемы современной русской /*e*/ в литературном языке в корнях слов в разных позициях обнаруживают три различных ее поведения и – в связи с этим – три разновидности фонемы /*e*/.

Одна разновидность ее поведения точно совпадает с наблюдением О.Н. Бётлингка – Я.К. Грота: *з'в'êр'* – *з'в'êрствъ*. В одном и том же корне – в зависимости от позиции – представлены две вариации фонемы: то *ê* (перед мягким согласным), то *e* (перед твердым).

В двух других случаях в корнях *ê* представлен только перед мягким согласным, а перед твердым согласным вместо ожидаемого *e* выступает его альтернант *'o* с некоторым осложнением в третьем случае.

Гораздо меньше обращают внимания на то, что имеется еще одна другая разновидность фонемы /*e*/, которая реализуется в закрытом звуке *ê* перед мягкими согласными, но перед твердым согласным она чередуется со звуком *'o* (представитель фонемы *o*): *сѣлскій* – *сѣла*; *берѣзник* – *берѣза*.

Есть еще разновидность фонемы /*e*/, которая в закрытых слогах (перед конечным согласным слова и перед сочетанием нескольких согласных внутри слова) ведет себя так, как и предыдущая разновидность фонемы /*e*/, сохраняется как *ê* перед мягкими согласными и чередуется с *'o* перед твердыми согласными, но в открытом слоге этот гласный исчезает, благодаря чему на его месте возникает сочетание окружающих его согласных: *день* (им.-вин. ед.) – *дѣн* (род. мн.) – *дня*; *пень* – *опѣнки* – *пня*.

Историческая фонетика хорошо объясняет своеобразие поведения всех этих разновидностей фонемы /*e*/.

Первая из них восходит к древней славянской гласной фонеме /*ѣ*/, которая сейчас реализуется в двух вариациях (аллофонах): *ê* и *e*.

Вторая является частью расщепленной (в некоторых случаях она перешла в /*o*/) старой фонемы /*e*/, выступающей в современном русском языке только в закрытой вариации *ê* (перед мягким согласным), но конвергирует с гласным *o* перед твердым согласным.

Третья разновидность фонемы /*e*/ также представляет собою часть сохранившегося рефлекса *e* особого древнерусского гласного *ь*, который в другой части рефлексов то отражен как *'o*, то исчезает (более модно можно было бы сказать, что он представлен нулем).

Короче говоря, современная фонема /*e*/ представляет собой рефлекс трех древнерусских фонем:

- 1) *ѣ* (в состав современной фонемы (*e/ê*) вошла *ѣ* полностью);
- 2) *e* (в состав современной фонемы /*e*/ древнерусская фонема вошла только частично, ограничиваясь теми позициями, где не было перехода *e* > *o*);

¹ Ход обсуждения этой проблемы Я.К. Грот описал в своих "Филологических разысканиях" [Грот 1899: 220–227].

3) *ь* (в состав современной фонемы /е/ влилась лишь третья часть: из позиции, где не было ни перехода в *о*, ни исчезновения *ь* из произношения).

Старая фонема /ѣ/ сохранилась полностью в современном русском языке в виде вариаций *е*, *ѣ*, а старые *е*, *ь* вошли в состав современной фонемы /е/ лишь в качестве ее вариации *ѣ*, а в других позициях они испытывали конвергенцию с фонемой /о/, в результате дивергенции на *ѣ* и *о*.

Неодинаковое поведение рефлексов древнерусских фонем /ѣ/, /е/, /ь/ в системе современного русского вокализма позволяет говорить, что и в современной русской фонетике чувствуются следы древнерусской фонологии с ее противопоставлением трех фонем /ѣ/, /е/, /ь/, которые даже сейчас слились далеко не полностью: в положении перед мягкими согласными они совпали фонетически в одной вариации *ѣ* фонемы /е/, но в положении перед твердыми согласными бывшие *е* и *ь* сейчас чередуются с фонемой /о/, а для фонемы /е/ из /ь/ в определенных позициях характерна ее беглость (исчезновение из произношения, чередования с нулем).

Следовательно, старые фонемы /ѣ/, /е/, /ь/ могут быть выведены из современного русского языка на основе их альтернативных свойств – особенностей их чередования.

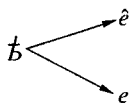
Разобранное здесь слабое противопоставление древнерусских фонем /ѣ/, /е/, /ь/ в современном русском вокализме в альтернативах фонемы /е/ выглядит не слишком очевидным, поэтому оно обычно не рассматривается в трудах по современной русской фонетике-фонологии².

Следовало бы задуматься и над проблемой, вытекающей из того обстоятельства, что древнерусская фонема /ѣ/ вошла в состав современной фонемы /е/ полностью, а /е/ и /ь/ – лишь частично. Действительно, древнерусская фонема /е/ перед твердыми согласными сейчас реализуется в альтернанте *о*, а перед мягкими согласными как *ѣ* закрытый и, соответственно, фонема /ь/ перед твердыми согласными реализуется как *о*, перед мягкими – как *ѣ*, а в некоторых случаях исчезает (реализуется в нуле звука?).

Дивергентную судьбу этих древнерусских фонем можно представить следующим образом:

Следует при этом вспомнить, что по данным сравнительно-исторического славянского языкознания древнерусские фонемы /ѣ/ и /е/ отличались степенью закрытости: большей у /ѣ/ и меньшей у /е/. Следовательно, получая более закрытый характер, /е/ и /ь/ совпадали с фонемой /ѣ/. Но последняя в современном русском языке реализована в двух вариациях (аллофонах): *е* перед твердыми согласными и *ѣ* перед мягкими согласными:

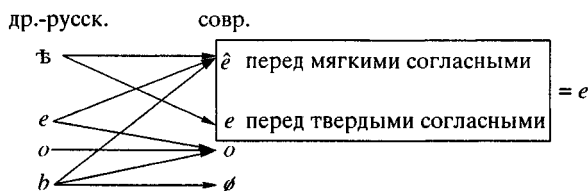

Как видим, древнерусские фонемы /е/, /ь/ испытали дивергенцию: на их месте в современном русском языке сейчас выступают две фонемы – /е/, /о/ (о нулевой реализации древнерусской фонемы /ь/ в современном русском языке стоит поговорить особо, а здесь ограничиться нулевым разделом).

² На диалектном материале сходное явление рассматривается как парадокс П.С. Кузнецова – М.В. Панова (см. [Касаткин 1999: 101–114]).

Если дивергенция двух фактически конвергировавших древнерусских фонем /е/, /ѣ/ на /е/ и /о/, сопровождалась конвергенцией этих дивергентов с фонемами /ѣ/ и /о/, то расщепление фонемы /ѣ/ не дошло до настоящей дивергенции³: оно привело только к появлению ее аллофонов е и ё, которые представляют собой вариации одной фонемы, исторически связанной с /ѣ/.

Если учесть также и фонему /о/, то весь связанный историческими переходами фрагмент древнерусского вокализма соотносится историческими переходами со следующим фрагментом вокализма современного русского языка:

Здесь современные звуки е и ё представляют собой вариации (аллофоны) одной фонемы /е/, поэтому четырем гласным древнерусского языка ѣ, е, о, ъ соответствуют две фонемы /е/, /о/, причем старые фонемы /е/, /ѣ/, изменившись в ё или о, не сохранились как звукотипы, преобразовавшись исторически в о (перед твердыми согласными) и в ё (перед мягкими согласными). Место старой фонемы /е/ занимает сейчас вариация (аллофон) е старого /ѣ/ перед твердыми согласными.

Следовательно, древнерусская фонема /ѣ/ реализуется сейчас в более открытом звуке е перед твердым согласным и с о х р а н я е т с я в современном русском литературном языке как старый закрытый звукотип ё перед мягким согласным, старая же фонема /е/ (в том числе и из ъ) как особый звукотип н е с о х р а н и л а с ь.

В связи с этим привычный тезис русских исторических фонетик о том, что фонема /ѣ/ совпала с фонемой /е/, следует пересмотреть, ибо древнерусская фонема /е/, представленная в современном русском языке звукотипами ё и о, изменилась в соответствующие звукотипы во всех позициях, а старая фонема /ѣ/ сохранилась в позиции перед мягкими согласными и заняла место исчезнувшей фонемы /е/ в позиции перед твердыми согласными, но со старой фонемой е она не конвергировала, поскольку древнерусская фонема /е/ как звукотип не сохранилась в современном русском языке.

Этот парадоксальный вывод о сохранении в современном русском литературном языке древнерусской фонемы /ѣ/ и об исчезновении древнерусской фонемы /е/ как звукотипов⁴ был сделан на основе тесного соотнесения бесспорных материалов русской исторической фонетики со столь же бесспорными материалами современной синхронной фонетики.

Правда, стоит заметить, что эти чередования фонем /е/ ~ /о/, /е/ ~ /о/ ~ /∅/, соответственно (перед мягкими и твердыми согласными) приобрели характер морфологического средства и оно не относится сейчас к числу чисто фонетических явлений, будучи осложненным действием морфологической аналогии: *берёза* – на *берёзе*.

Осложняют картину заимствования, а также слова, сохранившие свое старое звучание под влиянием книжного произношения (так называемые старославянизмы типа *перст*, *небо* и т.п.), которые могут быть трактованы как заимствования из более древнего состояния языка и объединены в этом отношении с новыми заимствованиями из европейских языков типа *котлета*, *газета* и т.п. Здесь слова, не знающие альтер-

³ Хронология и механизмы этих изменений подробно рассмотрены в кандидатской диссертации [Измestьева 1995].

⁴ Впервые об этом я писал в тезисах произнесенного доклада [Добродомов 1991: 74–76].

наций /e/ ~ /o/, /e/ ~ /o/ ~ /ø/ – новые в языке, они должны быть объединены со словами, имевшими исконный Ъ.

Современная русская орфография со всеми ее непоследовательностями является плодом ее многовекового развития и носит вполне исторический характер. Основы ее сложились в те времена, когда морфемы, из которых складываются сейчас слова, звучали и изображались на письме везде одинаково, что и сохранилось в современном правописании, которое не учитывает их современного различного звучания в устной речи.

Следовательно, морфологический (морфемный) принцип русской орфографии, о котором говорится во многих пособиях по современной русской орфографии, отражающих воззрения Ленинградской фонологической школы, не может считаться основополагающим: он представляет собой лишь возведенное до принципиального уровня обычное школьное правило использования современных форм слова и родственных слов для установления орфографических форм и морфем.

Поскольку в рамках Московской фонологической школы определение фонемы опирается на функциональное тождество звуков, входящих в состав морфемы, то проверка "сомнительных" написаний в слове, связанная с тождеством морфем (морфологический принцип орфографии), может быть названа проверкой на фонемном уровне (фонологический принцип орфографии).

Как известно, действие звуковых законов, преобразовывающих фонетический облик слова, его форм и производных, ограничивается лишь определенными позициями и не распространяется на другие. В силу этого обстоятельства в языке сохраняются в некоторых случаях отдельные формы слова и производные от него без фонетических преобразований. Например, из ряда *воды, вóдник, вода́, водяно́й* только часть форм и слов испытала редукцию гласного в корневой морфеме и получила иную огласовку (*вада́, вьд'иной*), но в другой части (*воды, вóдник*) такого изменения не произошло. Те формы и образования, где гласный не подвергался изменениям (находился в сильной позиции), служат эталоном для определения фонемного состава слова, а также для определения основы написания слова в соответствии с историческими написаниями.

Проверка "сомнительных" написаний в духе школьной орфографической теории и практики, установление основного вида морфемы в духе Ленинградской фонологической школы и выяснение фонемного состава морфемы в духе Московской фонологической школы базируется на одном и том же приеме – на поисках сохранившихся в современном русском языке остатков старого звучания форм слова или родственных слов.

Как единство сопоставляемых для орфографических целей морфем, так и составляющих их фонем при их реальном разном звучании оказывается возможным благодаря тому, что в далеком прошлом это тождество было и звуковым.

Следовательно, фонетически варьирующаяся фонема (в понимании Московской фонологической школы) в прошлом совпадала в едином звуке, что делает современную варьирующуюся фонетически фонему как бы исторической тенью единой по звучанию фонемы далекого прошлого. Поэтому фонема в понимании Московской фонологической школы выводится не только с учетом функционального тождества фонемы в составе морфемы, но и с оглядкой на историю языка.

Фонема в понимании Московской фонологической школы оказывается не вполне понятной без учета ее историчности, причем она очень хорошо вписывается в рамки истории русского языка, хотя в целом опирается на синхронно-функциональную базу. Ведь синхронические отношения сложились в результате разных исторических процессов.

Историзм Московской фонологической школы не только направлен в прошлое, но и нацелен в будущее.

В замечательной статье Р.И. Аванесова о соотношении фонем /ы/, /и/ в истории русского языка и совпадении их в современном русском языке [Аванесов 1947; 1974: 234–245] блестяще показана тенденция к слиянию этих фонем, которая уже произош-

ла во многих славянских языках и почти произошла в современном русском языке, не затронув лишь по-прежнему противопоставленные названия букв *ы, и*, оставшиеся пока еще самостоятельными только в этих условиях, но совпавшие во всех остальных позициях. Столь же диалектично в рамках Московской фонологической школы решается и вопрос о степени противопоставленности русских заднеязычных согласных по мягкости – твердости.

Фактический историзм Московской фонологической школы обеспечивает диалектическую подвижность системы фонем современного русского языка, которая не может считаться голой застывшей схемой. Фонетическая система современного русского языка представляет своеобразный мост между древнерусской системой и системой будущего русского языка; в ней заключены как пережитки прошлого, так и ростки будущего, и отношения между ними постоянно меняются, поэтому ригористическое противопоставление синхронии и истории (это совсем не диахрония Ф. де Соссюра, сейчас малопродуктивная в исследованиях), на котором часто настаивают последователи великого швейцарца, оказывается совершенно напрасным и даже препятствующим нормальным исследованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И.* 1947 – Из истории русского вокализма. Звуки [i] [y] // Вестник Московского ун-та. 1947. № 1.
- Аванесов Р.И.* 1974 – Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Бётлингк О.* 1852 – Грамматические исследования о русском языке // Уч. зап. имп. Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1852. Т. I. Вып. 1.
- Грот Я.К.* 1847 – О произношении *э, е, ѣ* // Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 173.
- Грот Я.К.* 1899 – Филологические разыскания. СПб., 1899.
- Даль В.И.* 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2.
- Добродомов И.Г.* 1991 – Куда девалась фонема ⟨ѣ⟩ в русском языке // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (Ужгород. 23–25 октября 1991 г.). М.; Ужгород, 1991.
- Измestъева И.А.* 1995 – Межслоговой сингармонизм в истории русского языка: Автореф. канд. дис. ...М., 1995.
- Касаткин Л.Л.* 1999 – Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Правильность...* 1962 – Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника. М., 1962.
- Трубачев О.Н.* 1987 – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 13. М., 1987.
- Щерба Л.В.* 1957 – Современный русский литературный язык // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.